

Н. Н. СКАТОВ,

директор Института русской литературы РАН (Пушкинский дом),

доктор филологических наук, профессор,

член-корреспондент РАН

ДРЕВНЯЯ БОЛЬ: О НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЯХ, ИДЕЯХ И ОБРАЗОВАНИИ

Вряд ли можно сейчас определить русскую национальную идею в качестве одной всеобъемлющей формулы, как это было со знаменитым афоризмом монаха Филофея о Москве, Третьем Риме, или даже с известным тезисом, приписываемым министру народного просвещения Уварову: «Православие, самодержавие, народность» (на самом деле высказывание принадлежит московскому профессору Крылову). Да и в историческом плане достаточно было людей, по своему национальному самосознанию решительно несогласных с указанными формулами. А в современных условиях тем более следует говорить о некоем синтезирующем идеологическом комплексе, который возможен только в результате общих усилий, да и то лишь в качестве определяющего вектора, а не строгой формулы, афоризма. Но первым условием и предпосылкой появления такой идеи должно выступить спасение нации. Что толку в любых национальных идеях, если самой нации не будет.

Сейчас по многим причинам русский, или — в более старой терминологии — великорусский, этнос оказался в тяжелой ситуации. Традиционно он выступал в той роли, которая закреплена в известной формуле «старший брат», и успешно. В результате всех этих противоречивых, неоднозначных процессов, в отличие от других государств, в нашей стране практически всем национальностям и народностям удалось сохранить свою этническую определенность. Это особенно наглядно в сравнении с судьбой коренного населения США или славянских племен в германских землях.

Еще в начале прошлого века великий Менделеев полагал, что для России задача увеличения народонаселения стоит на первом плане. А сейчас положение почти катастрофическое. Недаром такой общественно чуткий писатель и ученый, как академик А. И. Солженицын, который давно имеет дело со статистикой и с разнообразным источниковедением, констатировал, что главной задачей сегодня является сохранение русской нации. Зная общие позиции Александра Исаевича, думаю, что речь идет не о простом физическом выживании, хотя и о нем тоже. Это диктует необходимость, что-

бы «младшие братья», выросшие и окрепшие, пришли на помощь «старшему», ибо его сохранение — это и вопрос сохранения их самих, а не просто благотворительность или великодушие.

Проявлением этого является и борьба за сохранение русского слова как объединяющего колоссальные и разнообразные географические, исторические и этнические образования. Не случайно встал вопрос о необходимости принятия закона о русском языке. Однако сами по себе запретительные меры вряд ли обеспечат успех дела. Необходимо уяснение особенностей русского слова и его соотношение и взаимовлияние с другими языками. Отсутствие такого уяснения ведет к смещениям и перекосам в языковой политике. И зарубежный опыт здесь не всегда уместен. Например, Франция — страна, даже с учетом Прованса с его провансальским языком, мононациональная и монопольная. А Россия, даже при определяющей роли узкого этноса, страна многонациональная и многоязычная. Достаточно вспомнить ту великую роль, которую сыграла в становлении русского слова украинская, или малороссийская, словесная культура, да и тюркская тоже. Недаром Пушкин, говоря о русском языке, называл его «общежительным». Вероятно, этот традиционный для России принцип общности не должен быть нарушен.

Нет причины ставить под сомнение ту универсальную роль, которую играет сейчас в мире английский язык. Но нельзя не видеть также, что основная сфера его применения распространяется на бизнес, финансы, бюрократию, некоторые разделы науки и быт. Однако если речь идет о культуре, то сферой английского языка является, прежде всего, так называемая массовая культура.

Говоря о конкурентоспособности России, наш Президент, вероятно, имеет в виду не просто изготовление модных штанов или даже мощных компьютеров. Необходимо понимание единства русского языка со словесной культурой в обширном смысле этого слова. Речь идет, прежде всего, о русской классической литературе. Только это понимание самоценности может обеспечить рус-

скому языку конкурентоспособное место в общекультурном пространстве страны и всего мира. С этой точки зрения грозная опасность нависает и над великой англоязычной культурой.

Общепринято считать, во всяком случае с европейской точки зрения, что в человеческой истории искусства были три великие эпохи. Помимо античности и европейского Возрождения, это русская литературная классика, лучшее, по словам Горького, что создано нами как нацией. От практического, научного и всякого другого художественное воззрение отличается тем, что оно не дробит свой предмет и для него всякая часть имеет значение лишь в отношении к целому, как утверждал Розанов.

Русской классической литературе свойственно целостное восприятие бытия, формируемое на одном из самых великих явлений мирового искусства. И на такую литературу сейчас идет упорное и целенаправленное наступление. Да, наша литературная классика — это наше прошлое. Великое, достойное, прекрасное, но прошлое, воспоминание. Однако это воспоминание о будущем. Недаром Некрасов сказал: «И песни вещи Кольцова...» Нам еще только предстоит осознать вселенскую мощь и силу власти земли у этого поэта. Неслучайно Афанасий Фет назвал и Федора Тютчева «вещим» — нам еще только предстоит освоить тютчевскую космогонию и историософию, о которой начали догадываться только в начале XX века. Недаром в Достоевском видели пророка настоящих и, не дай Бог, грядущих революций. А сам Достоевский увидел в Пушкине уже абсолютное пророческое явление. Одно время даже была в ходу фраза «вперед к Пушкину!» И этим все сказано.

Отменяя или даже тесня русскую классику, мы лишаем доверенное нам молодое поколение не только прошлого, мы лишаем его и будущего. А что касается настоящего, то, конечно, наша классика вступает с ним в решительное противостояние. Она провозглашает: «Не убий», «Не укради», «Не прелюбодействуй», а слишком многое в нашей жизни и в литературе учит обратному и славит содом, порой, уже в гомерических размерах.

Характерно, что современный театр неизбежно вынужден обращаться к спасительной классике. Но при этом бессилие извлечь собственно заключенный в ней смысл и сверхсмысл (что и было бы художественным от-

крытием) ведет даже не к осовремениванию, а уже к прямой скандальности, к загаженности, к стремлению и ее развратить до себя, как говорил в схожем случае Достоевский. А объяснение: «классику не любят, не читают, не смотрят» — от лукавства.

Конечно, мы живем в новом, бесконечно изменяющемся мире, но только в школе, на уроках классической русской литературы, дети могут получить необходимые профилактические нравственные «прививки», способные предотвратить многие социальные болезни общества. Ведь то, что часто представляется авангардом и несет соблазняющую прелесть новизны, по сути, является тылом.

В наши дни разработана даже своеобразная поэтика дерьма. «Все прогрессы реакционны, если рухнет человек», — сказал поэт. И всякий прогресс, обеспечивающий лишь довольство, изобилие и потребление этого изобилия, может быть так же реакционен, как и регресс, влекущий к нищете и неприкаянности. Пример тому — фашистская Германия.

Необходимо избавиться от некоторых наивностей школьного истмата, по которому существуют некие экономические базисы и соответствующие надстройки, постройкой, пристройкой, в частности — культура и образование. Существуют глубинные фундаментальные основы культуры, на которых и зиждутся меняющиеся экономические формации, и культурные традиции, которые проходят через столетия. Именно они базисны, если уж воспользоваться этим термином. Игнорирование этого постулата равносильно нарушению законов природы.

На последнем общем собрании Российской академии наук тревожно прозвучало: «Мы должны строить рыночную экономику, но не рыночное общество». Это тем более актуально, что мы вступаем в историческую полосу, которая потребует от нас чрезвычайных мобилизационных усилий и напряжений. И без опоры на фундаментальные культурные ценности мы просто пропадем. Думается, опасность нашего нынешнего положения не до конца осознана, и мы строим общество, подчиненное именно законам рынка, принимая их за абсолютную истину. Слова «рынок требует, рынок определяет, рынок диктует» стали крылатыми и звучат, как приговор, окончательный и безапелляционный.

Хочу напомнить, что даже в известной программе «Пятьсот дней» именно сфера об-

разования и культуры определена как нерыночная. А ведь общество, если только оно претендует на звание человеческого, требует не того же, что рынок. Мы часто говорим о провале наших буржуазных рыночных реформ и о горе-реформаторах, но тогда почему они так самодовольны? А потому, что для этого у них есть все основания. Действительно, с точки зрения поставленных ими задач, реформы проведены просто блестяще.

В качестве иллюстрации позволю себе процитировать открытое письмо Президиума Санкт-Петербургского научного центра президенту страны о том, что очередная наша реформа «однозначно свидетельствует о целенаправленной линии Правительства на уничтожение науки в России, что противоречит политике Президента России и статическим интересам общества». Люди, подписавшие это письмо, придерживаются разных политических взглядов.

Вряд ли случайно и переименование самого Министерства просвещения в Министерство образования. Оно представляется знаковым и зловещим, ведь образовать можно что угодно и кого угодно. Тем не менее и в наших условиях этому ведомству не должно забывать о своей изначальной светоносной задаче.

Как же выглядят национальные традиции и национальные идеи применительно к сфере образования? Признавая условность такого разделения и то, что эти понятия во многом пересекаются, должен сказать, что они не совпадают и даже противоречат друг другу.

По В. В. Розанову, «христианское понятие, по которому свет, просвещение есть высшее земное дело, есть украшающее и возвеличивающее человека занятие, нам совершенно чуждо, оно нам чуждо во всех проявлениях в науке, в литературе, но впереди всего в школе...» («Сумерки просвещения»). А учитель, уже по определению, призван к светоносности. «Так как вся польза для страны от распространения желаемого среднего образования определяется учителем, то работу о подъеме нашего среднего образования начинать нужно не с программ, а с подготовки надлежащих учителей», как писал Дмитрий Иванович Менделеев, человек с богатым учительным опытом.

Мы же наши школьные реформы начали именно с программ. Василий Васильевич Розанов, человек с многолетним

педагогическим опытом, считал, что нужно изучать быт учителей, чтобы что-нибудь понять в образовании. И говоря об источнике самых печальных наших поражений в области идеала, называл именно положение учителя: «В настоящее время учителю семейному невозможно захворать, не впад сейчас же в долг, почти непоправимый; семейный учитель, оставляя своих детей почти без присмотра, нудит жену к педагогическому же труду на стороне или хоть и потаенно, но к какому-нибудь домашнему, «кустарному» ремеслу. Сам учитель захлебывается в уроках, доходит до самоудушения с ученическими тетрадями и, очевидно, скверно поправляет как эти тетради, так и вообще скверно дает уроки, то есть утомленно и раздраженно. Учитель стал почти синонимом неврастеника, и это около учеников — детей, на которых его нервность отражается почти заражающим образом. И в основе этого лежит просто рубль, урванный у него и переданный чиновнику таких ведомств, для которых свет знания “как бы не бел”».

Все это писалось в конце XIX века. Но и в конце XX, и в начале XXI столетия положение учителя ничуть не лучше. Здесь, в сущности, мы оказываемся в глубокой колее именно национальной традиции, в очередной раз пренебрегая просвещением.

Нельзя иначе возвысить уровень учительского класса, как создав лучшие условия для его существования, то есть притянув все активное, сильное, что до сих пор избегало этих должностей, боясь нищеты и неуважения. По сообщениям серьезной прессы, из лучших выпускников Герценовского педагогического университета последнего года собственноручно в классы пришли 158 человек из 2000. Но и они быстро сбегут от этих должностей на более прибыльные и менее нервные.

Таковы, видимо, национальные традиции, которые вступают в решительное противоречие с основополагающими идеями национальной, да и общей педагогики. В. В. Розанов сформулировал три ее принципа, один из которых — принцип индивидуальности — ныне нарушен в своей сути. В противоположность животному, которое имеет род, вид, разновидность, человек — это всегда особенное, личность. Это его высшее и глубочайшее определение. И каков бы ни был тип школы или системы образования, только та из них будет образовательной в

полном смысле этого слова, где не нарушен этот основополагающий принцип индивидуальности. Между тем с введением так называемого Единого государственного экзамена (ЕГЭ) личность человека будет, конечно, уничтожаться. Не случайно введение ЕГЭ вызывает такое сопротивление в лучших вузах страны. Ведь именно второстепенные способности (исключительно механические, где оценивается не ум, но измеряется усвоенное памятью, не ищется творчество, но воспитывается логический навык) являются главными и решающими в ЕГЭ.

Что же касается аргумента в пользу введения ЕГЭ как метода борьбы с коррупцией, то надо думать, что коррупция при-

мет свои меры, возможно еще более беспощадные.

И это воистину древняя боль, не наша только, но целой Европы — вопрос о школе. Мы были в школьном деле, как и в других бесчисленных, только плохими копиистами чужой работы, учениками, списывающими у соседа. В тему, которую задала Европа своей школе, мы должны вдуматься самостоятельно, чтобы суметь сколько-нибудь успешно разрешить эту проблему. Только при этой самостоятельной вдумчивости мы, возможно, догадаемся, как глубока школьная язва в самой Европе. И как она не излечима предлагаемыми у нас паллиативами. И может быть, заботясь о себе, мы поможем и Европе.